Светлой памяти
Ольги Сигизмундовны Поповой
(1938–2020)

Предисловие 8
Лекция 1. Введение. Истоки византийской архитектуры 11
Лекция 2. Христианские базилики Средиземноморья 27
Лекция 3. Христианские базилики Востока 49
Лекция 4. Ранневизантийские центрические постройки 67
Лекция 5. Архитектура эпохи Юстиниана I 89
Лекция 6. «Купольный зал», «купоальная базилика» и архитектура «темных веков» 107
Лекция 7. Ранняя история крестово-купольного храма (V–IX вв.) 131
Лекция 8. Столичная архитектура IX–XII веков 153
Лекция 9. Архитектура средневизантийского Запада 177
Лекция 10. Архитектура средневизантийского Запада: Эпир, Эллада и острова 201
Лекция 11. Храмовая архитектура средневизантийского Востока 225
Лекция 12. Архитектура Никейской империи и династии Палеологов 251
Лекция 13. Архитектура поздневизантийских регионов 275
Лекция 14. Церковное зодчество Кавказа 297
Лекция 15. Христианское зодчество Болгарии и Сербии 323

Краткий словарь терминов византийской архитектуры 345

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взяться за составление лекций о византийской архитектуре нас заставила не уверенность в знании каждой ее детали и, тем паче, не желание сказать о ней что-то совершенно новое, но всего лишь отсутствие на русском языке адекватного описания этого выдающегося явления мировой культуры. Если, к примеру, англоязычный читатель может выбирать между историями византийского зодчества Рихарда Краутхаймера, Кирилла Манго, Роберта Оустерхаута и других авторов, то отечественный вынужден обращаться к давно устаревшим трудам Анатолия Леопольдовича Якобсона, Николая Ивановича Брунова или даже дореволюционных искусствоведов. Свою актуальность сохраняют отчасти только работы Алексея Ильича Комеча, чьи замечания о византийском зодчестве разбросаны, однако, по различным работам на разные темы. Новых же обобщающих трудов об архитектуре Византии в России пока не видно (не считая статей в «Православной энциклопедии» — разного уровня и стиля).

В основу настоящей книги легли наши лекции, записанные для портала «Магистерия» в 2018–2019 гг. Однако в книге они значительно видоизменены: перекомпанованы, дополнены, уточнены. Впрочем, общая концепция курса осталась прежней: лекции построены преимущественно по хронологическому принципу, хотя внутри временных периодов памятники византийской архитектуры разбираются зачастую по типам или регионам. В фокусе нашего внимания — зодчество Римской, а затем Византийской империи и ее соседей, находившихся под ее архитектурным влиянием, с IV в. (с небольшим экскурсом в христианское храмоздание II–III вв.) до конца поздневизантийских государств в третьей четверти XV столетия.

Стоит сразу же предуведомить читателя, что византийская архитектура имеет свою специфику. Во-первых, сохранность памятников разных ее периодов и регионов различна: от сотен целых построек средневизантийской Греции до единичных зданий поздневизантийской Анатолии. Во-вторых, несмотря на плохую сохранность — сравнительно, например, с Западной Европой, — византийское зодчество представлено столь большим количеством местных стилей, школ и артелей, что рассказать о всех них — в отличие, например, от Древней Руси — нет возможности. Наконец, от архитектуры средней и поздней Византии до нас дошли преимущественно церковные постройки, которые были одновременно и самыми пышными и репрезентативными в христианской империи: увы, от ее дворцов и гражданских построек (кроме довольно однообразных цистерн) почти ничего не осталось, а визан-

тийские крепости — за исключением парадных ворот (таких как Золотые ворота в Константинополе) — представляют интерес скорее для историков фортификации.

Следует также предупредить, что настоящая книга пытается соединить в себе новейшие открытия истории архитектуры с довольно консервативным методологическим подходом к ней. С одной стороны, объем наших знаний о византийском зодчестве растет стремительно, прежде всего благодаря археологическим и реставрационным находкам. С другой стороны, этот рост детальной информации зачастую делает картину развития византийского зодчества слишком дробной, так что за сотнями памятников становится не видно сути основных архитектурных процессов. Между тем, именно их понимание (которое совсем не обязательно подразумевает изобретения «больших нарративов») позволяет правильно оценивать отдельные памятники: ранневизантийские — в рамках преобладающего регионализма, с его ориентацией на римскую архитектуру местных центров; средневизантийские — в контексте взаимодействия новаторских константинопольских идей с более или менее консервативными локальными строительными традициями, вырабатывавшими новые формы во время и после кризиса «темных веков»; поздневизантийские — в парадигме нового регионализма отдельных греческих государств, выстраивающих свою архитектурную идентичность с оглядкой на авторитетные образцы прошлого. При всем этом мы не замыкаемся в рамках какого-то одного метода, совмещая в разборе построек архитектурно-археологический, исторический, литургический, художественно-эстетический и другие подходы. Везде, где это было возможно, мы старались искать средний путь между крайними точками зрения (особенно учитывая зыбкость многих датировок и реконструкций): так, не отрицая развития архитектурных типов, мы не сводим этот сложный процесс к линейной эволюционистской парадигме. Впрочем, объем книги не дает нам возможности отдельно остановиться на многих нюансах, в том числе весьма важных: например, о византийских строительных техниках рассказывается понемногу в разных главах.

При рассказе о византийской архитектуре и ее памятниках мы старались не злоупотреблять ни обилием деталей, ни множеством имен и ссылок, хотя наиболее важные для ее истории исследователи упоминаются в каждой лекции. Ссылки на их труды, а также на основную литературу по теме лекции, в числе десяти работ, читатель может найти в конце каждой главы. Кроме того, мы постарались максимально полно представить те памятники византийского зодчества, которые связаны с территорией России и, шире, Российской империи: Западной

Грузией, Абхазией, Аланией, Крымом, однако тема архитектуры самой Древней Руси слишком обширна, чтобы включать ее в настоящую книгу. В конце книги приведен словарь основных терминов византийской архитектуры.

Ключевую роль в лекциях об архитектуре играет взаимодействие между словом и образом. И хотя мы были ограничены в объеме иллюстративного материала, но постарались отобрать для книги самые представительные чертежи и фотографии, в том числе старые (для несохранившихся памятников). Обилие планов в книге объясняется, среди прочего, и тем, что и в ранне-, и в средневизантийский периоды именно план, как мы увидим, определял большую часть структуры здания, и умение восстанавливать ее по плану — важный навык, которым должен овладеть интересующийся архитектурой Византии. Мы сердечно благодарим всех, кто предоставил свои фотографии для настоящей книги: Д. В. Белецкого, М. Н. Бутырского, Д. Д. Ёлшина, А. В. Захарову, М. Каппаса, А. А. Липатова, Р. В. Новикова, О. С. Попову, С. В. Свердлову, Г. Фустериса, А. Н. Яковлева и др., а также А. А. Кравченко, который взял на себя нелегкий труд обработать и свести в единый формат все архитектурные чертежи. Наша глубокая признательность адресована также научным рецензентам, А. В. Захаровой и О. Е. Климову, и всем тем, кто активно обсуждал текст книги на разных стадиях ее подготовки, в том числе Е. А. Виноградовой, А. Н. Яковлеву и участникам Нижнеархызской археологической экспедиции.

МАТЕРИАЛЫ КО ВСЕЙ КНИГЕ

Комеч А. И. Византийская архитектура IV — 1-й половины VII в. // Культура Византии. Т. 1. М., 1984. С. 573–596.
Комеч А. И. Византийская архитектура VII–XII вв. // *Он же.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв. М., 1987. С. 9–133.
Оустерхаут Р. Византийские строители. М.; Киев, 2005.
Попова О. С. Пути византийского искусства. М., 2013.
Kleinbauer W. E. Early Christian and Byzantine architecture: An annotated bibliography and historiography. Hall, 1992.
Krautheimer R. Early Christian and Byzantine architecture. 4th ed. by S. Ćurčić. London, 1986.
Mango C. Byzantine architecture. Milano, 1974.
Multilingual illustrated dictionary of Byzantine architecture and sculpture terms / Ed. by S. Kalopissi-Verti and M. Panayotidi-Kesisoglou. Herakleion, 2010.
Niewöhner P. Byzantine Ornaments in Stone. Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings. Berlin; Boston, 2021.
Ousterhout R. Eastern Medieval Architecture. The Building Traditions of Byzantium and Neighboring Lands. Oxford, 2019.

ЛЕКЦИЯ 1

Введение. Истоки византийской архитектуры

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем перейти к разговору о самой византийской архитектуре, следует сначала, с одной стороны, определить, что мы под ней понимаем и как она была устроена, а с другой, показать, из чего она выросла.

Под византийской архитектурой мы будем подразумевать зодчество на территории Византийской империи и поздневизантийских государств с начала IV по третью четверть XV в. Византийская архитектура, как и искусство Византии вообще, а также история империи, обычно подразделяется на четыре больших хронологических периода: ранний (IV — первая половина VII в.), «темные века» (вторая половина VII в. — 843 г.), средний (843 — 1204 г.) и поздний (1204 г. — третья четверть XV в.).

Внутри ранневизантийского периода выделяются эпохи династий Константина (312–363), Валента и Феодосия (364–457), Льва (457–518) и Юстина (518–602). В IV в. империя занимает все Средиземноморье, земли к северу от Альп до Рейна и Дуная, Британию и многие области Востока, но в V в. Западная Римская империя начинает терять свои территории под натиском «варваров» до своей гибели в 476 г. В середине VI в. восточно-римскому императору Юстиниану удается отвоевать Италию, часть Испании и Северную Африку, которые византийцы, впрочем, утратили очень скоро — в «темные века».

Последние обычно отсчитываются от смерти императора Ираклия в 641 г. и охватывают правление династий Ираклия (до 711 г.), Исаврийской (717–802), Никифора (802–811) и Аморийской (820–867). За это время империя потеряла весь Восток, кроме Малой Азии, и большую часть Балкан, а строительная активность сильно угасла. Возрождение культуры и византийская «реконкиста» связаны с последними представителями Аморийской династии (Феофилом и Михаилом III) и императорами Македонской династии (867–1056, но в реальности — до 1028 г.), которые отвоевали, в частности, территорию Болгарии, где в конце IX — начале XI в. развивалась архитектура Первого Болгарского царства. Последнюю часть средневизантийского периода в истории искусства называют обычно комниновской, однако на самом деле она делится на эпоху императоров-аристократов (1028–1081), когда была потеряна внутренняя Анатолия, и династий Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204), при которой империя утратила территории Сербии, Болгарии и Кипра.

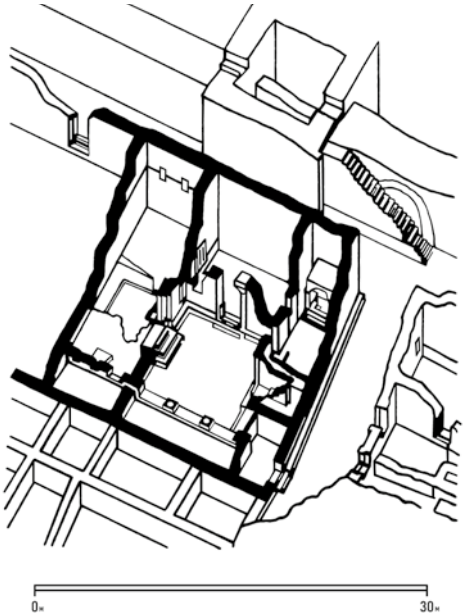
Взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. положило конец единой империи и начало периоду независимых поздневизантийских государств: Никейской (до 1261 г.) и Трапезунтской (до 1461 г.)

империй, Эпирского деспотата (до начала XIV в.) и др. В каждом из них архитектура развивалась самостоятельно, однако Никейскому императору Михаилу VIII удалось в 1261 г. отвоевать Константинополь и положить начало империи Палеологов (до 1453 г.). Параллельно этому византийские строители работали в Сербии и Втором Болгарском царстве. На Кавказе же христианская архитектура существовала с IV в., с перерывом на период арабских нашествий в VIII — первой половине IX в. Все эти хронологические и географические обстоятельства сильно влияли и на византийскую архитектуру.

При анализе памятников византийского зодчества следует также учитывать и различать роль заказчика и исполнителя. Заказчики-*ктиторы*, которыми были обычно императоры, аристократы, епископы или монастыри, определяли размер (т.е. вместимость), функцию, тип здания и его декорации, ориентируясь при этом на известные им образцы. Строитель, которым после исчезновения профессии архитектора в «темные века» был обычно зодчий-подрядчик (οἰκοδόμος), подыскивал для выполнения этого заказа необходимые материалы, мастеров разных специальностей, конструктивные решения и элементы из знакомых ему строительных традиций. Почти полное исчезновение культуры чертежа (но не модуля, которым был византийский фут длиной в 32,7 см) привело к переходу на планирование здания посредством мерных инструментов (прежде всего шнура), а отдельные элементы конструкции фиксировались прямо на камне или плинфе.

Здание возводила обычно артель (ἐργαστήριον) мастеров во главе с протомаистором, состав которой мог меняться от заказа к заказу, но которая сохраняла единство особых строительных техник и приемов. В нее входили обычно квалифицированные мастера (τεχνίτης), в т.ч. плотники (τέκτων), каменотесы (λιθόξοος) и плинфотворители (κεραμοποιός), обжигавшие кирпич и черепицу. Совокупность артелей с общими специфическими приемами и преемственностью строительной практики образует т.н. архитектурную школу, ограниченную обычно каким-то регионом. Наконец, общность некоторых приемов и решений при отсутствии единства и преемства в строительной технике представляет собой архитектурный стиль, которой мог существовать несколько столетий и распространяться на большие территории.

ДОМ СОБРАНИЯ



1 Domus ecclesiae в Дура-Эвропос (Сирия). Ок. 232 г.

Византийская архитектура стала качественным скачком в истории архитектуры не только Римской империи, но, пожалуй, и всего Старого света. Начавшись с довольно простых построек, за несколько веков христианское зодчество дошло до таких шедевров, как Св. София Константинопольская, которую многие — и, надо сказать, не без основания — считают чуть ли не самой гениальной постройкой человечества. Но чтобы понять этот сложный путь, мы должны обратиться к самому началу — к эпохе еще до-византийской, эпохе раннего христианства, чтобы посмотреть, в каких зданиях молились древние христиане и что им для их молитв было нужно.

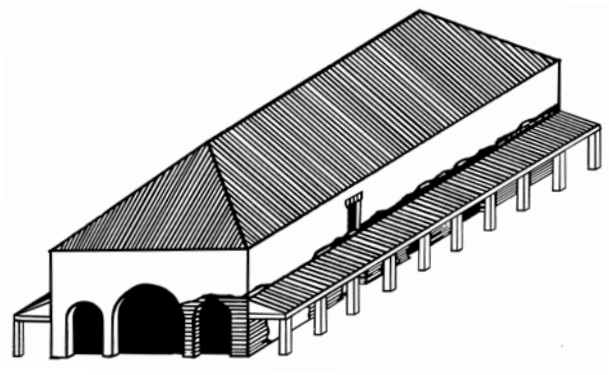
Христианство, распространившись по территории Римской империи на протяжении I и II вв., уже к III в. охватило очень многие города империи. А ведь Римская империя была империей городов, где и возникали христианские общины: не случайно позднее язычника называли по-латински словом paganus — «сельский».

Христиане молились по домам, и началось это уже в I в. А после того как в 71 г. был разрушен Иерусалимский храм, христиане окончательно отделились от иудеев и их синагог. В Римской империи христианство не было religio licita, т.е. дозволенным вероисповеданием или, точнее, культом, и, соответственно, христианам приходилось молиться по частным домам. Более богатые члены общины предоставляли самые лучшие, парадные помещения своего дома для христианских собраний.

Такой дом, который древние авторы называют *domus ecclesia* — «дом-собрание», или *domus ecclesiae* — «дом собрания» (калька с еврейского beit-knesset — «дом собрания», т.е. синагога), сохранился, например, в городе Дура-Эвропос в Сирии, на самой восточной окраине империи. Построенный около 232 г., он вскоре, в 256 г., погиб, но благодаря этому сохранился. Как и в случае соседних синагоги и митрея (храма Митры), это обычный греко-римский дом: вход с улицы ведет во двор, откуда можно попасть в два прямоугольных помещения. Одно — это зал для собраний, в котором стоял большой стол для евхаристической трапезы и возвышенное место для епископа, который начиная со II в. становится уже единоличным главою христианской общины.

2 Дура-Эвропос, баптистерий

Второе — крещальня (*баптистерий*), в торце которой находится купель крещения, оформленная арочкой на колонках. Баптистерий был украшен фресками, которые должны были символически указывать на смысл происходящих здесь таинств. Над самой купелью расположено изображение Доброго пастыря, который несет на плечах одну заблудшую овцу, чтобы присоединить ее ко всему стаду (Мф. 18, 12–14, Лк. 15, 3–7), а также изображение Адама и Евы, с грехопадения которых и началась история блуждания человечества, завершившаяся спасительной смертью и воскресением Христовым. Поскольку крещение ранними христианами воспринималось как спасение и полное преображение человека, исчезновение ветхого и рождение нового, но одновременно и как его исцеление, то на стенах баптистерия были изображены чудеса Христа: например, исцеление расслабленного, который поднимает свое ложе, хождение по водам — ведь тема воды, естественно, в крещальне крайне важна, — где маловерный Петр идет по воде к Иисусу, тонет, но Иисус его спасает, так же как спасает душу человека, приходящего к Нему. Но здесь же есть и образ человеческой души в виде античной героини Психеи с крыльями бабочки, ибо по-гречески ψυχή значит и «бабочка», и «душа». В этом раннехристианском богослужебном помещении мы уже видим желание украсить пространство



3 Aula ecclesiae Сан-Кризогоно (Рим). Кон. III в. Реконструкция Р. Краутхаймера

4 Реконструкция церкви в Легио. III в.

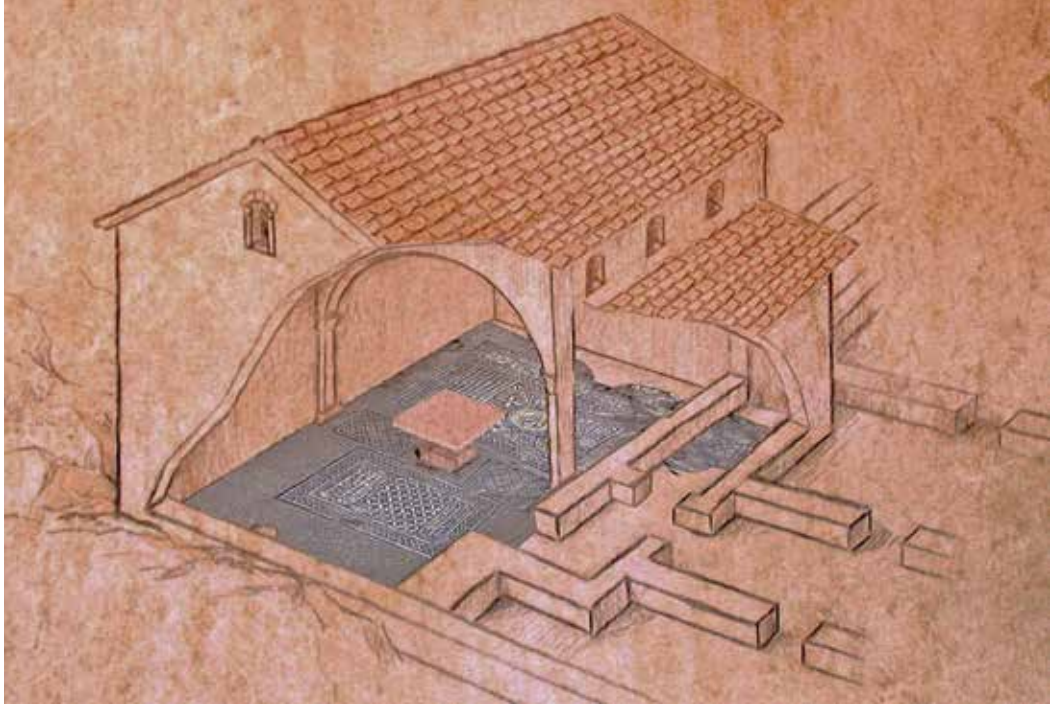
и одновременно насытить его символами разного происхождения — таким образом, уже на самом раннем этапе происходит символическое осмысление пространства христианской церкви.

Простая структура domus ecclesiae в Дура-Эвропос соответствует простоте раннехристианского богослужения, состоявшего из двух Таинств: Евхаристии и Крещения. Крещение — однократное действо вступления в общину верных, соединение с Христом, а Евхаристия — соединение с Христом регулярное, еженедельное, которое происходит во время воскресного богослужения. Это богослужение, как и иудейское, состояло из чтения Священного Писания — теперь уже не только Ветхого, но и Нового Завета, и из вкушения совместной трапезы за общим столом. Отметим также, что баптистерий и зал для евхаристического богослужения, сознательно не похожий ни на какой наземный храм, имеют еще разную ориентацию по сторонам света: один — на восток, другой — на запад. Символике ориентации церкви предстоит устояться только к концу IV в.

AULA ECCLESIAE

В крупных городах империи, таких как Рим, христианские общины были более многочисленны, чем в крохотной крепости Дура-Эвропос. В Риме ко Христу обращались и знатные семьи, но в их домах возникают такие же дома собраний — римские *титулусы*. Хорошо изучен titulus Clementis — дом знатного римлянина по имени Климент, который позднее был соотнесен с Климентом, учеником апостола Петра и одним из первых епископов Рима, мученически закончившим свою жизнь в Крыму, в каменоломнях. Здесь на месте христианской domus ecclesiae в богатом доме уже в IV в. строится церковь, а в конце IV — начале V в., когда запрещаются публичные языческие богослужения,

4



христиане выкупают соседний квартал, где находился митрей, и расширяют свой храм на него. Археологические раскопки, проведенные монахами-августинцами, открыли помещение намного большее, чем в доме в Дура-Эвропос с его, в общем и целом, обычной комнатой.

Этот тип уже не комнат, а больших залов для христианских собраний Майкл Уайт предложил называть *aula ecclesiae* — «зал собрания». Aula ecclesiae возникала чаще всего уже не в тесной городской застройке кварталов, а в поместьях знатных людей, например, на римских холмах. Такой aula ecclesiae была в Риме, например, первая церковь Сан-Кризогоно — святого Хрисогона, по преданию, учителя Анастасии Узорешительницы, — которая представляет собой длинный зал размером 15,5×27 м, с наружными галереями и парадным входом.

Здесь важно отметить, что вынужденное увеличение пространства для христианских собраний повлекло за собой другое важное изменение. Если самые ранние христиане могли еще собираться вокруг единого евхаристического стола, за которым они, по античному обычаю, возлежали, то увеличившиеся общины III — начала IV в. такой возможности уже были часто лишены, и поэтому на месте общего стола возникает маленький стол-*престол* (греч. τράπεζα, лат. mensa).

Пример такого изменения, пусть и в масштабах сравнительно небольшой церкви, мы видим в недавно найденном доме собрания в Палестине. В Галилее, недалеко от Назарета, где прошло детство Иисуса,

находилось маленькое поселение под названием Легио («легион»), т.е. лагерь римского легиона. Археологические раскопки открыли здание, в центре которого выделяется средних размеров зал: размеры таких залов обычно соответствовали потребностям общины.

Отождествить этот зал как церковь позволили мозаики с христианскими надписями на полу, а монеты, найденные под этим полом, показывают, что все здание было построено до начала IV в. Мозаики эти чисто орнаментальные, и в них практически нет сюжетов: ранние христиане часто поступали так специально, чтобы «внешние» не могли догадаться, что это место христианского культа, — максимум какие-то христианские символы, типа изображения рыбы, ибо греческое ΙΧΘΥΣ — «рыба» — расшифровывалось ими как Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ — «Иисус Христос Божий Сын Спаситель».

Но самое важное, что в церкви Легио вместо большого стола для общей Евхаристии мы видим уже небольшой стол, причем в самом центре зала собраний. Он еще не удален к торцу зала, как это будет в IV в., не противопоставлен основной массе верующих, которые пока все могут его окружить. Но все они уже не могут возлечь за этим небольшим столом.

МЕМОРИИ

Первое, с чем у многих ассоциируется богослужение ранних христиан, — *катакомбы*, переделанные из каменоломен подземные кладбища вокруг Рима и некоторых других городов империи и очень важные для истории формирования христианской живописи. Но вопреки распространенному мнению, что христиане совершали Евхаристию в катакомбах на могилах мучеников, современная наука констатирует отсутствие свидетельств такой практики. Действительно, в *кубикулах* (склепах) катакомб, где хоронили более богатых христиан (бедных погребали в нишах-*локулах*), существуют изображения собраний, но часто председательствует на них женщина, что невозможно для Евхаристии, а, напротив, соответствует собраниям в память умершего, которые христиане совершали так же, как и остальные римляне.

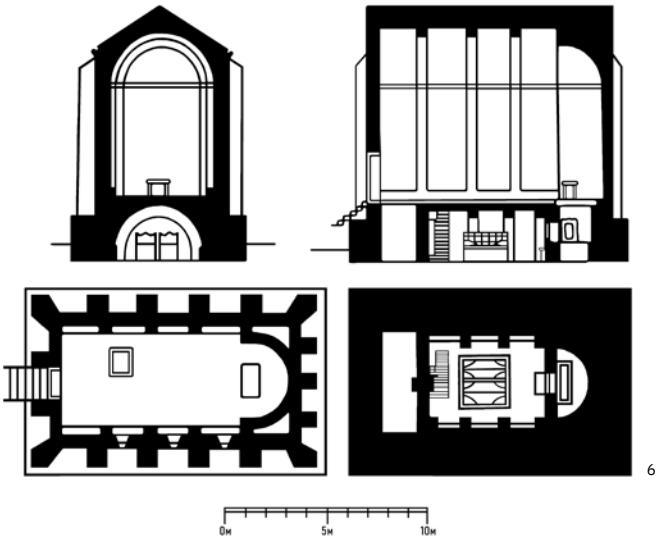
Но мучеников, самых важных для раннехристианских общин личностей, которые затем, в IV–V вв., становятся новыми символами городских общин, погребали не только в катакомбах, где рядом с ними старались лечь простые верующие (так называемое погребение *ad sanctos* — «у святых», или *ad corpus* — «у тела»). Если была возможность, их погребали более пышно, в частных мавзолеях (см., например, гробницу Альбаны в Трире), но все равно скрывая христианский характер погребения. Такое погребение имеет характер *мемория* — памятного места.

5 Кубикул и локулы в катакомбах Cimitero maggiore на Via Nomentana (Рим)

5

Пример такой гробницы, относящийся к самому началу IV в., мы встречаем под Салоной (совр. Сплит) в Хорватии, в местечке Марусинац. Это частный мавзолей богатого человека, в виде зала с полукруглым выступающим помещением — *апсидой* в торце. Но мавзолей этот на самом деле представляет собой одновременно и христианскую церковь: в верхнем ярусе был расположен зал для евхаристического богослужения, в нижнем находятся двойная семейная гробница. А под апсидой, за перегородкой с маленьким отверстием, так называемой *finestrella* или *confessio*, находились мощи мученика Анастасия. Таким образом, присутствие мощей мученика освящало погребение знатных христиан, но одновременно и выстраивало сакральную ось: престол — мощи, где Евхаристия совершалась не непосредственно на гробе, а на престоле над ним. В дальнейшем такая схема станет очень популярной, прежде всего на Западе.

Такие маленькие залы для христианского богослужения сохранялись и позднее, если потребности общины не требовали большего пространства. Показателен пример конца IV в. в британском Лаллингстоуне, где в здание богатой виллы включена небольшая зальная церковь, которой для обитателей этой усадьбы — христиан вполне



6

6 Мартирий св. Анастасия в Салоне (Далмация). Нач. IV в. Разрезы и планы двух ярусов

7 Храм Афины в Сиракузах (Сицилия), превращенный в кафедральный собор. V в. до Р.Х.

хватало. Вообще же, тип зальной церкви станет с IV в. самым распространенным в христианском мире, хотя обычно и наименее выразительным в архитектурном отношении.

ЦЕРКОВЬ И ХРАМ

В начале IV в., после Миланского эдикта 313 г., христианство становится не просто religio licita (до этого христианство было не более чем superstitio — «вредным суеверием»), но религией, к которой римские императоры относились весьма благожелательно и поддерживали административно и финансово. Поэтому императоры, вначале Константин и Елена, а затем и их наследники, выделяли довольно большие средства на строительство церквей. И тогда перед христианами Римской империи встает вопрос: как должен выглядеть новый христианский «зал собраний», рассчитанный уже не на десятки, но сотни, а порой даже тысячи человек? Ведь к 313 г. в некоторых провинциях империи христиане составляли уже более половины населения.

И, в первую очередь, это был вопрос о соотношении христианской церкви и античного храма, вопрос о том, почему христиане, вчерашние язычники, не адаптировали тип античного храмового здания, выработанный веками в греческой, этрусской и римской культуре. Этому есть несколько причин.

Во-первых, в греческой и римской религии храм понимался прежде всего как дом божества. Он состоял из *cella* — «клети», помещения со статуей божества, без окон в стенах, куда свет попадал толь-

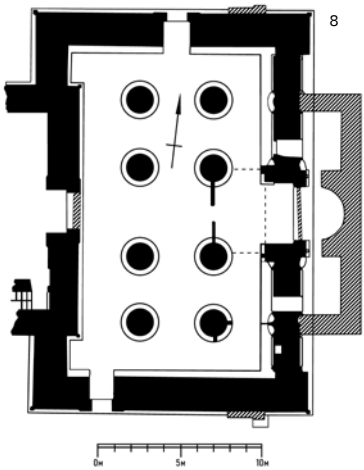
7

ко сверху; и задней части, так называемого *опистодома* — кладовки, или сокровищницы, где находились культовые предметы или дары, принадлежащие божеству. Главная же часть античного богослужения, жертвоприношение, происходило снаружи храма, потому что внутри его невозможно произвести ни по противопожарным соображениям (сгорела бы деревянная крыша), ни потому, что от огненной жертвы быстро бы закоптились стены здания.

А христианская жертва, жертва бескровная, превращение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы на престоле, предписывала христианам, наоборот, закрытые собрания с участием одних посвященных. И поэтому когда христиане, начиная с конца IV в., стали использовать античные храмы, они вынуждены были частично пробивать стены храма, чтобы соорудить пространство для престола, как мы видим в случае знаменитого афинского Парфенона, который был превращен в храм другой Девы — уже не Афины Партенос, а Приснодевы Марии. В другом храме V в. до Р.Х., в Сиракузах на Сицилии, расширяя богослужебное пространство, христиане пробили, с одной стороны, стены целлы, а с другой стороны, заложили пространство между колоннами периптера. Поэтому копировать тип античного храма христианам было просто неудобно.

Наконец, христиане многих областей империи считали древние храмы местом обитания демонов, которые живут в статуях богов. Например, в древнеегипетском храме в Калабше около Асуана христиане замуровали ворота древнего храма, чтобы демоны оттуда не выходили, и устроили свою церковь в пронаосе храма, т.е. в его преддверии,

достроив к нему алтарь. Итак, мы видим из этих примеров, что христианам было и неудобно, и символически невозможно в полной мере использовать античные храмы как образец для своих церквей.



8

ДРЕВНЕРИМСКИЕ БАЗИЛИКИ

Образцом же для нового христианского храма становится *базилика*. Но прежде чем мы перейдем к базилике христианской, следует разобраться, что такое базилика вообще и откуда она появилась. Слово basilica означает «царская», но, вопреки распространенному мнению, оно не связано с императорами. Первой базиликой была βασιλικὴ στοά — «царский портик» в Афинах, где жил царь-жрец (рудимент древнего царя, который некогда правил в Аттике). Сейчас в католической Церкви статус базилики получают наиболее важные храмы, вне зависимости от их архитектурной формы. Но с точки зрения архитектурной терминологии, базилика — это вытянутое в длину прямоугольное здание, разделенное несколькими рядами колонн.

Такая форма здания активно развивалась в римской архитектуре, потому что базилика — это, по сути, самая простая возможность перекрыть как можно большее пространство при наименьшем расходе строительного материала. Внутри периметра стен ставится нужное количество колонн, а затем между ними и стенами перекидываются балки и стропила, перекрытые черепичной кровлей. Римская гражданская базилика была чем-то похожа на современный многофункциональный центр: здесь совершались торговые сделки, происходили судебные заседания, проводились другие публичные акты. Пространства между колоннами затягивались при необходимости занавесами и превращались в отдельные комнаты (компартименты).

Римская архитектура знала два типа базилик. Первый тип — «*форумная*» базилика (или базилика «с обходом»), где колонны идут по периметру здания, обходя все его стороны. Такие здания, действительно, часто устраивались на римских форумах, например, старейшая базилика на Римском форуме — базилика Юлия (I в. до Р.Х.). Но в христианской архитектуре такой тип воспроизводился редко (преимущественно в Египте).

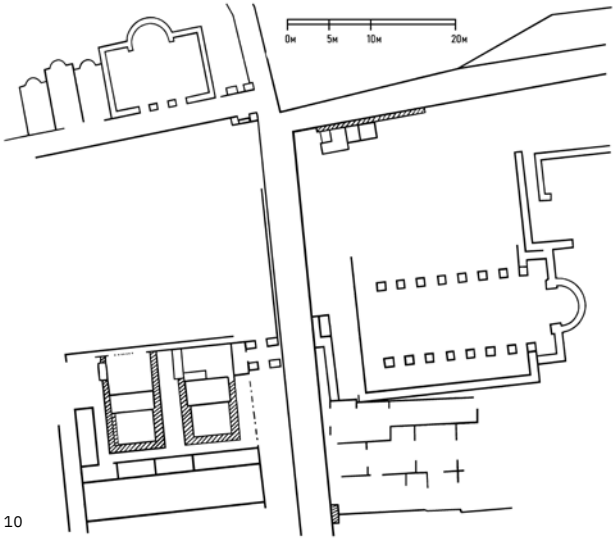
Другой тип — нефная базилика, где колонны идут рядами от одного торца здания до другого. *Неф* (от фр. nef — «корабль») — это вытянутое в длину пространство между колоннами. Число нефов в базилике обычно

9

8 Церковь в пронаосе храма в Калабше (Египет)

9 Базилика Юлия на Римском форуме. I в. до Р.Х.

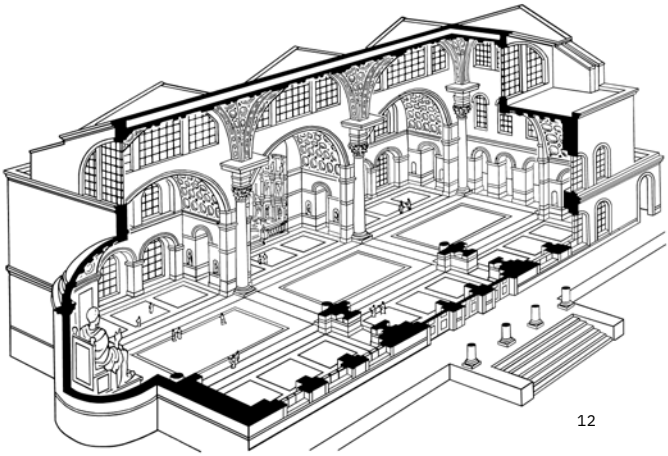
10 Форум и базилика в Карсулах (Умбрия)



10

было нечетным, чтобы центральный вход выводил в неф. Центральный неф не имел боковых окон, и поэтому он делался выше, с верхним световым ярусом — клеристорием, и, соответственно, шире, чем боковые. Именно такой тип базилики был адаптирован иудеями для синагог, а затем христианами — для церквей. Выбор в пользу нефной базилики связан с возросшей ролью престола и пространства вокруг него — *алтаря*, которые помещались в одном из торцов здания.

11



12

11 Базилика в Лептис Магне (Ливия). Нач. III в.

12 Базилика Максенция на Римском форуме. 312 г. Реконструкция

13 Тронный зал дворца Константина в Трире. Ок. 310 г.

Для устройства алтаря была адаптирована еще одна форма античной архитектуры, в т.ч. базиликальной, — апс*и*да, обычно прекрывавшаяся *конхой* — сводом в виде четверти сферы. Законность происходивших в римской базилике публичных актов — судебных заседаний, торговых сделок и т.п., должна была быть подчеркнута визуальной репрезентацией их высшей санкции — со стороны богов и государства. Для этого в торце

13

центрального нефа устраивалось полукруглое заглубление — апсида, где помещалась статуя божества или императора либо кресло курульного магистрата. Апсида могла иметь разное устройство: так, в двухъярусных базиликах (например, в базилике северовского времени в ливийском городе Лептис Магна) апсида тоже была украшена колоннадами в два яруса, а иногда апсиды устраивались в обоих торцах базилики (как это было затем популярно у христиан Испании и Северной Африки). В христианской базилике на границе нефа и апсиды помещалась не статуя или трон, а престол, который, таким образом, из стола для евхаристического богослужения символически превращается в престол Бога, телесно присутствующего в евхаристических дарах.

В некоторых случаях римские базилики имели не балочно-стропильное перекрытие, а перекрывались сводами. Такой тип сводчатой базилики представлен, например, знаменитой базиликой Максенция на Римском форуме, начатой императором Максенцием и законченной Константином. Множество колонн заменено здесь всего четырьмя мощными столпами, которые одни и способны выдержать всю тяжесть широких сводов. Благодаря этому все пространство базилики стало намного менее дробным и более слитным. Это еще один тип базилики, который тоже будет воспринят христианской архитектурой, особенно там, где трудно было добыть мраморные колонны.

Наконец, еще один важный архитектурный образец для ранневизантийской церкви — это aula, т.е. парадный зал императорского дворца. Редкий сохранившийся (правда, значительно реконструированный) пример такого зала известен в Трире, где находилась первая резиденция императора Константина Великого. Зал этот уцелел чудом: когда его деревянные перекрытия обрушились, местный епископ обстроил его с разных сторон и превратил во внутренний двор своего дворца, благодаря чему здание и сохранилось. А перекрыто заново и превращено в церковь оно было уже в XIX в., когда трирские протестанты попросили у прусского короля разрешение устроить здесь храм, и от этого его иногда ошибочно называют «базиликой Константина».

Перед нами огромный (27×67 м) двусветный зал с крупными окнами, весь наполненный светом и притягивающий взгляд зрителя к своему завершению — к той самой апсиде, где и находился трон императора. В своих церквях этот трон христиане, как было сказано, заменили на престол, причем эта замена была осмыслена и иконографически — в образе этимасии, т.е. «ожидания» пришествия Христова. Так репрезентативная архитектура Римской империи начинает взаимодействовать с еще довольно простым литургическим устройством ранних христианских церквей, что в начале IV в. привело к рождению христианской базилики.

МАТЕРИАЛЫ

Голубцов А. П. Молитвенные храмины и открытые христианские храмы первых трех веков // Богословский вестник. 1896. № 3. С. 351–369.

Захарова А. В. Катакомбы // Православная энциклопедия. Т. 31. М., 2013. С. 650–673.

Сусленков В. Е. Дура-Эвропос // Православная энциклопедия. Т. 16. М., 2007. С. 341–346.

Krüger J. Zur Typen- und Begriffsgeschichte der Basilika // Wirtschaftsbauten in der antiken Stadt: Internationales Kolloquium 16.–17. November 2012, Karlsruhe. Karlsruhe, 2016 (http:// books.openedition.org/ksp/5476).

Langlotz E. Der architekturgeschichtliche Ursprung der christlichen Basilika. Wiesbaden, 1972.

Müller V. The Roman Basilica // American Journal of Archaeology. 1937. Vol. 41.2. P. 250–261.

Nünnerich-Asmus A. Basilika und Portikus. Köln, 1994.

Tepper Y., *Di Segni L.* A Christian Prayer Hall of the 3rd Century CE at Kfar ‘Othnai (Legio). Excavations at the Megiddo Prison 2005. Jerusalem, 2006.

Ward-Perkins B. Roman Imperial Architecture. Yale, 1981.

White M. The Social Origins of Christian Architecture. Vol. 1–2. Valley Froge, 1990.